

Ся Суйцзинь шаг за шагом преследовал даосскую монахиню, загнав её в угол. Когда ей уже некуда было отступить, он резко изменил тон, его слова стали острыми и прямыми:

— Жаль, но мне всё равно, кто ты. Меня заботит только репутация форта семьи Шэнь. Покойный глава форта Шэнь был известен своей добротой и щедростью, его доброе имя славилось по всему миру, и все его уважали. Но ты, даосская монахиня, воспользовалась тем, что форт остался без наследников, захватила его и занимаешься убийствами, запятнав честь форта Шэнь! Я — чужак, я уйду, но по какому праву ты остаёшься здесь?

Эти слова прозвучали внезапно, словно окровавленный зазубренный нож пронзил её мягкое сердце. Даосская монахиня, застигнутая врасплох, оказалась в безвыходном положении. В следующий момент из её глаз потекли две прозрачные слезы:

— Да, мне стыдно смотреть в лицо главе форта Шэнь.

Ся Суйцзинь, почувствовав, что момент подходящий, собирался продолжить давление, но вдруг даосская монахиня внезапно нанесла удар ладонью, направленный прямо в его грудь. Он инстинктивно уклонился, и в этот момент монахиня воспользовалась возможностью, чтобы сбежать, её фигура уже почти растворилась в темноте. Он крикнул:

— Куда бежишь!

Он протянул руку, чтобы схватить её, но даосская монахиня оказалась опытным бойцом, её движения были быстрыми и мощными, каждый удар — коварным и жестоким.

Они обменялись несколькими ударами, и стало ясно, что внутренняя сила монахини была невероятно мощной, её мастерство явно нарабатывалось не один десяток лет. Ся Суйцзинь понял, что не справляется, и быстро метнул несколько отравленных игл, но монахиня с невероятной ловкостью уклонилась от всех. В этот момент он случайно коснулся её руки и был поражён: её кожа была ледяной, как у мертвеца, без малейшего признака жизни.

Ошеломлённый, он на мгновение забыл о схватке. В этот момент даосская монахиня нанесла удар ладонью, но из-под карниза вылетела тень, которая столкнулась с ней в поединке. Раздался громкий звук удара, и даосская монахиня, словно белая бабочка с обрезанными крыльями, упала вниз.

Ся Суйцзинь оказался в объятиях этой тени, похлопал себя по груди, чтобы успокоить дыхание, и спросил:

— Почему она такая сильная?

Юй Фан покачал головой, не зная ответа.

Ся Суйцзинь удивился ещё больше:

— Я вижу, что её внутренняя сила накоплена минимум за двадцать лет. Сколько же она вообще прожила?

Он был уверен, что эта даосская монахиня — вторая дочь форта Шэнь, Шэнь Байлу. Но почему она превратилась в это получеловеческое, полупризрачное существо? Ся Суйцзинь, думая о её ледяной коже и призрачных движениях, мог только предположить, что она практиковала какую-то зловещую технику.

Этой ночью Ся Суйцзинь спал очень беспокойно.

Днём даосская монахиня не появлялась. Юй Фан отправился к озеру, поймал несколько рыб и приготовил их на костре. Ся Суйцзинь попробовал кусочек и удивился:

— Это действительно вкусно!

Юй Фан сидел у костра, на его лице мелькнула тень радости.

Ся Суйцзинь не слишком умел есть рыбу, поэтому откусил несколько кусочков из брюшка и перешёл к следующей. Но Юй Фан был другим: он съел всю рыбу дочиста, оставив только аккуратный скелет, ни одной кости не пропустил.

Ся Суйцзинь впервые увидел, как кто-то так мастерски ест рыбу, и это показалось ему очень необычным. Он предположил:

— Ты, наверное, вырос на юге?

Юй Фан покачал головой.

— Нет? Ты умеешь плавать, у тебя такой навык в разделке рыбы. Разве ты не из южных водных краёв?

На самом деле, Юй Фан никогда не рассказывал о своей семье. Ся Суйцзинь знал только, что его мать — Юй Хуанун. Он попытался осторожно выведать информацию:

— Я видел, как ты одним ударом отбросил даосскую монахиню. Ты так искусно владеешь боевыми техниками. У кого ты учился? Может, когда-нибудь я навещу твоего учителя и тоже научусь паре приёмов.

Юй Фан ответил:

— У моего отца. Но он не берёт учеников. Если хочешь, я тебя научу.

— Тогда твой отец, должно быть, очень силен.

— Я никогда не побеждал отца. Он говорил, что в этом мире только мама может его победить.

Ся Суйцзинь был поражён. Неужели его тётя тоже была мастером высшего уровня? Но Юй Фан добавил:

— Мама не умеет сражаться.

Тогда он понял: это была не слабость, а глубокая любовь.

Он вспомнил свою мать, которая всегда сидела при свете лампы. С тех пор, как он себя помнил, император уделял внимание только императрице Фэн Яо, никогда не обращая внимания на других наложниц. Его мать жила в уединении, проводя дни в чтении буддийских сутр, и казалось, что она и император были чужими людьми. Когда он подрос, он понял, что между ними не было любви, а его рождение было скорее случайностью после мимолётной связи.

Ся Суйцзинь похлопал себя по лбу, отгоняя эти мысли, и с улыбкой спросил Юй Фана:

— А твоя мать когда-нибудь упоминала женщину по имени Юй Цяньсюэ?

Юй Фан ответил:

— Мама говорила, что у меня есть тётя по имени Юй Цяньсюэ. Её красота, ум и боевые навыки были редкими в этом мире. Но в день свадьбы родителей она исчезла. Господин усадьбы Мурон искал её, и мама тоже постоянно о ней вспоминала. Я и взял «Жетон Девяти Драконов», чтобы использовать его, а потом вернуть, но...

Ся Суйцзинь указал на половинку красной фасоли, висевшую на поясе Юй Фана, и спросил:

— Это чья вещь?

— Это любимая вещь моей матери.

Ся Суйцзинь вспомнил половинку красной фасоли своей матери, её невысказанную тоску, и в его сердце стало горько.

В этот момент Юй Фан внимательно посмотрел на Ся Суйцзиня, его уши слегка покраснели, и он вдруг произнёс:

— Я тоже не смогу тебя победить.

Ся Суйцзинь:

— ...?

— Мои боевые навыки лучше твоих, но я не смогу тебя победить.

Ся Суйцзинь рассмеялся:

— Это потому, что ты ещё неопытен в жизни и не умеешь хитрить. Когда ты наберёшься опыта, научишься планировать и рассчитывать, ты сможешь меня победить.

Но Юй Фан сказал:

— Мама не умеет сражаться, но отец её не может победить. Я тоже не смогу тебя победить, как отец не может победить маму.

Ся Суйцзинь улыбнулся ещё шире, лёг на траву, и лёгкий ветерок, шелестящий среди ветвей ивы, унёс часть его внутреннего беспокойства. Он сорвал травинку и положил её в рот, позволив горечи распространиться, понимая, что нельзя погружаться в эти мысли. Он притворился беззаботным и сказал:

— Я уже говорил, ты ещё неопытен. Когда ты встретишь больше людей, познакомишься с множеством прекрасных девушек, ты найдёшь меня, хромого, раздражающим. Ты помнишь, как я говорил в городке Грушевого Цвета, что больше всего боюсь грязных и злых сердец? Но, к сожалению, я сам — тот, кого я больше всего боюсь.

Ся Суйцзинь закрыл глаза и вдруг спросил:

— Сегодня ты можешь мне помочь?

Юй Фан ответил:

— Скажи, что нужно, и я сделаю.

— ...Эх, почему ты такой хороший, но встретил именно меня?

Его голос звучал спокойно, но в нём была дрожь, которую он сам не замечал:

— Когда-нибудь ты тоже испугаешься меня и уйдёшь. Ты такой хороший, и я не смогу отпустить тебя.

Он чувствовал себя уставшим, лёгкий ветер и ясное небо были слишком приятными, и он хотел просто уснуть.

...Он всегда знал, что его сердце было чёрным, даже более чёрным, чем у злых духов.

Сердце Юй Фана было чистым, как лотос, белым и незапятнанным. Он, человек с чёрной душой, мог только наблюдать издали, не смея прикоснуться.

Под светом луны, среди шелестящих ветвей, в сезон чистоты и ясности, когда цветы груши были похожи на снег, молодой человек в чёрном сидел у ворот форта семьи Шэнь. На его спине был меч, на рукояти которого были выгравированы две изысканные и красивые лилии. Его ясные глаза пристально смотрели на грушевое дерево неподалёку.

Когда настала полночь, в лесу раздался крик ворона, и из форта семьи Шэнь стал исходить зловещий холод. Ночь была безмолвной.

Вдруг за спиной раздался скрип, и ворота форта медленно открылись. Молодой человек инстинктивно обернулся и увидел перед собой лицо невероятной красоты.

Её глаза, полные очарования, смотрели на него, словно завораживая, и она с улыбкой спросила:

— Кого вы ждёте, молодой человек?

Её облик был настолько соблазнительным, что любой другой человек уже бросился бы к ней. Но лицо молодого человека оставалось холодным и отстранённым, как лёд, без малейшего признака эмоций. Он посмотрел на грушевое дерево, а затем на женщину, и сказал:

— Ты — та самая даосская монахиня, о которой говорят в городе Хуэй?

Даосская монахиня улыбнулась, её улыбка была очаровательной, и она приблизилась к молодому человеку, словно дразня его:

— Разве я не похожа на небожительницу?

Молодой человек тут же отступил, вытащил меч из-за спины, лезвие сверкало холодным светом, и на его кончике расцвёл странный цветок лилии. Он направил меч на даосскую монахиню и сказал:

— Ты убила множество людей, твои грехи тяжёлы. Сегодня ты не уйдёшь.

Даосская монахиня засмеялась:

— Ты совсем не романтичен. Небожительница сама к тебе пришла, а ты не реагируешь?

Молодой человек ответил:

— Я пришёл сюда, чтобы убить тебя.

Они стояли всего в нескольких шагах друг от друга, один — с леденящей кровью решимостью, другая — с соблазнительной красотой. В этот момент даосская монахиня поднялась с земли, подползла к мечу, её тонкая белая одежда слегка приоткрылась, и молодой человек, слегка наклонившись, мог видеть её полуобнажённую грудь.

Даосская монахиня продолжала:

— Девушки любят мягких и вежливых мужчин. Ты так груб, что никогда не найдёшь невесту.

Молодой человек оставался непоколебимым.

Даосская монахиня добавила:

— Ты такой красивый, неужели у тебя уже есть возлюбленная? ...Но если она узнает, что ты направляешь на меня меч, ей это не понравится.

Тонкие губы молодого человека дрогнули, и он произнёс:

— Откуда ты знаешь, что ему это не понравится?

Эти слова были произнесены слишком поздно.

<http://bllate.org/book/16190/1452559>